

Свернув с Московского тракта на Ивановскую дорогу, шоферы начинают крутить баранку как на автотралли. Шоссеяка отчаянно петляет, и тут надо быть поаккуратнее на виражах. У «Чертова поворота» под Сулостью об этом напоминает придорожный черный обелиск на месте одной из аварий.

Для хозяина нашей «восьмерки» Алексея нет никакого секрета

дачники называют «Марков колодец».

Провел гость следопытские изыскания на чердаке и в подполе дома, где теперь никто не живет. Посидел на завалинке со стариками соседями. Вернулся домой, написал, как сумел, о родословной деда Михаила Васильевича, сгнувшего в «красном пожаре» — так, не при посторонних, называл дед советскую власть.

Про землю и про погоду Николай Алексеевич рассуждает так, будто никуда отсюда не уезжал. Землица-де супесь, в меру сухая, в меру влажная и дышит хорошо. О здешнем климате в книжках пишут — «капризный», и это отчасти верно. На безлесной равнине он очень зависим от розы ветров. Если подолгу дует с запада, озеро Неро не пропускает дождевые облака — стоит затяжная сушь. И

но главный продукт у них, конечно, ростовский лук: посадишь луковичу — вырастишь с десяток. Сушат его Марковы на дедовских «котцах» — над полатами печки. Прошлой осенью интереса ради положили самую крупную луковичу на весы — потянула на шестьсот граммов. На еду уходит у них за год килограммов полтора. А семенной в городе расходуется, как и картошка, по постоянной клиентуре.

старожил: «В единичном хозяйстве мой дед силами семьи (редко с привлечением сезонных работников) ежегодно заготавливал по 20 возов (на каждом помещалось два десятка корзин) репчатого лука, картошки, свеклы и турнепса, столько же цикория. Дед имел лошадь и две коровы, на усадьбе были рига для сушки цикория и лука, амбар, сарай для сена».

году, дед едва дожид до сорока пяти».

После похорон все равно пришли раскулачивать осиротевшую семью. Забрали все, даже перину вытасили из-под метавшегося в жару больного ребенка... Кое-чего все же не заметили в потайных углах. Детскую коляску на механическом ходу, казачье обмундирование, оставшееся после службы кого-то из Корневых-Марковых в

МАРКОВ КОЛОДЕЦ

в том, почему асфальтовая трасса в этих местах ведет себя как простой проселок. Выехали мы на самую почтенную по исторической судьбе дорогу в средней полосе России — старинный Ростово-Суздальский тракт. Прокладывали его некогда топором в лесной глухомани, сообразывая с матушкой-природой, — по речным бродам, огибая овраги. Отсюда и его нынешние крутые виражи.

Вместе с трактом дожили до наших дней и некоторые его ровесники-села. Мой спутник и гид Алексей Марков кивает на путевые указатели: по ним, дескать, можно изучать древнюю историю Отечества. Васильково было вотчиной князя Василько, погибшего в битве с ордынцами на Сити. Сулость, что у нас прямо по курсу, — родина знаменитого русского овощевода Ефима Грачева, члена Французской академии сельского хозяйства. Близлежащие приозерные Угодичи так крепко усвоили его опыт, что, по слухам, даже в колхозно-совхозные времена среди его жителей-огородников было семь подпольных миллионеров.

Из каких агентурных источников горожанин Марков, пятикурсник Ярославского техникума, знает такие подробности про исконно крестьянский луково-огуречный край — ростовское восточное Заозерье? Да очень просто — отсюда родом его предки. И Алексеем назвали его, как он говорит, в честь двух дедов.

Откуда пошли Марковы, напомнил недавно его рязанский дядюшка Владимир Алексеевич, доцент сельхозвуза. Приезжал прошлым летом в отпуск, наведаясь в Тряслово, где он и два его брата на свет появились. Поклонился на тихом сельском погосте родительским могилам. Попил водички из колодца на задках усадьбы — его в Тряслово и сегодня даже

Сопроводил рассказ о предках полными горечи мыслями о том, как под нестихающие городские дебаты на тему «Накормит ли деревня страну?» пустеют на родине русского огородничества плодородные угодья, продолжая исчезать с лица земли когда-то многолюдные и богатые села.

Первыми читателями записок стали ярославские родичи автора — семья его брата Николая. Судя по всему, больше остальных дядюшка сумел взять за живое племянника Алексея.

Приглашая меня в Тряслово, Алексей предупредил: родители, как и он сам, типичные горожане, в деревню ездят только по выходным, сами себя называют дачниками...

Странные же это оказались дачники, механик с «Ярлива» Николай Марков и его супруга Ангелина, торговый работник. За пару недель до Николе летнего у них под овочи от и до уже вскопаны были все пятнадцать соток. Николай — завзятый «спец по железьякам», содержать в рабочем состоянии дедовский и отцовский инвентарь считает своей элементарной мужской обязанностью. Есть и плуг под лошадь, и выдававшая виды борона, и хитрый рыхлитель под названием «каракули». А остроносый плужок-распашку для прокладки межей он сам сделал из листового железа.

Так что «дачник» — сие сказано не про трясловского пахаря. Как дорожат здесь землей, видно хотя бы по поленницам. Все они сложены с фасада. На задках усадьбы дрова никто не заготавливает, чтобы не мусорить. И слово «огород» к тем огромным, стометровой длины, грядам возле Маркова колодца вряд ли подходит. Никто ничего тут испокон веку не огораживает. Но разгудивающих на воле кур и другой мелкой живности здесь не увидите — заперты по домашним вольерам.

Алексей МАРКОВ у прадедовского колодца.

тогда надежда на Марков колодец. Недавно сообща его почистили, новую бадью подвесили. Вся деревня им пользуется, что для полива, что для питья — говорят, во всей округе нет воды вкуснее.

А что климат в Заозерье капризный, это плохо для отдыхающих, а земледельцу никакая погода помешать не может. Николай с Ангелиной, с посильной помощью двоих сыновей, по полсотне мешков картошки здесь накапывают — себе хватает, и по знакомым продают.

С каким размахом было налажено дело у деда Михаила Васильевича, и повествует в своих записках его рязанский внук-биолог. У деда рано умер отец. Из шестерых детей старший Михаил в пятнадцать лет стал главой семьи. Кормил, растил, женил и замуж выдавал братьев и сестер. А матери, когда она вышла замуж во второй раз и уходила из семьи, старшей выделил на свадьбу мешок муки.

Автор приводит статистику, известную ему от отца и соседей-

Сразу после революции, предвидя недоброе, Михаил Васильевич Корнев взял фамилию своих дальних родственников Марковых. Но не спасла и такая конспирация. Непосильные побои продрозверстки сломили его. За недомыслие осудили на пять лет тюрьмы. «Пришли его заирать», — читаем в горестной семейной хронике, — а он лежит на лавке, подняться не может. Оставили покоем на всю округу новенькой оцинковкой.

кавалерии, конскую упряжь. Коляску и папаху Николай с Ангелиной отдали заезжему историку — очень уж просил «для музея».

А вот сбрую Николай Алексеевич не отдал. Не любитель загадывать наперед, он рассуждает так: если здоровье позволит, то, выйдя на пенсию, не худо было бы вернуться в Тряслово. Домуто, сложенному из матчовой сосны в полтора обхвата, по семейной легенде, лет под триста. Сбрую до сих пор без единой трунцены. Если им с Ангелиной хватит сил на переезд, то и сбрую придется.

Н апоследок освежились мы с Николаем Алексеевичем из Маркова колодца, вышли подышать за деревню. Оглядели поросшие разнотравьем брошенные поля совхоза «Россия», сам собою возник вопрос об исчезнувших деревнях. Марков рязанский под считал, что до революции вокруг села Угодичи, срубленного, как уверяют ростовские краеведы, еще в «дорюриковские» времена, было 55 сел. Задается вопросом: сколько их осталось?

Нет больше Ангелова, где родился будущий строитель Ростовского кремля митрополит Иона Сысоевич. Нет Свечкова. Из «графского леса», взятого в его окрестностях, и срублена усадьба Корневых-Марковых. Никто не живет больше на Филипповой горе.

На обратном пути мы заехали в Угодичи. Там на кладбище возле Никольского храма был похоронен первый хозяин Маркова колодца, кстати, до сих пор не реабилитированный. От кладбища остался один-единственный камень. Но храм понемному начали поднимать из руин. Большая луковича пятиглавья сверкает на всю округу новенькой оцинковкой.

Юлиан НАДЕЖДИН.
Фото Вячеслава ЮРАСОВА.